

Барбара Картленд

Дорога в рай

Персонажи и события, описанные в романе, вымышленные. Все совпадения случайны.

Жасмин громко рассмеялась, пытаясь обуздать Метеора, который понес в сторону, дергая головой и жуя поводья.

Девушка наслаждалась поездкой к дому кузенов в Деббингфорде в соседней долине. Метеор был изумительным скакуном, быстрым и сильным.

Красивое дорогое седло из бежевой кожи, которое купил для нее герцог, оказалось чрезвычайно удобным, хотя отличалось по форме от американских седел, к которым она привыкла дома, в Миссури.

А потом этот глупый жеребец испугался, когда дорогу ему перебежал маленький заяц.

И только-только ей удалось обуздать Метеора, как из-за поворота с ревом вылетела огромная черная с серебром машина, и понадобилось все ее умение наездницы, чтобы лошадь не понесла.

Она все еще пыталась успокоить животное, когда из машины выскочил незнакомец и закричал

на нее. С перекошенным от гнева лицом он схватил лошадь под уздцы.

— Идиотка! Кто, черт побери, усадил вас на этого сильного жеребца? Немедленно спускайтесь!

Жасмин только сильнее вцепилась в поводья, пытаясь вырвать их из рук темноволосого незнакомца, который испепелял ее взглядом.

— Прекратите на меня кричать! Вы только еще больше пугаете коня!

— Вы американка?!

«Розовая серия» Барбары Картленд

Барбара Картленд, скончавшаяся в мае 2000 года в возрасте девяноста девяти лет, по праву считается самым известным автором романов о любви. Она была самой плодовитой писательницей в истории, поскольку за год могла написать больше книг, чем любой другой автор, благодаря чему занесена в Книгу рекордов Гиннеса.

За свою жизнь она написала семьсот двадцать три книги, которые были переведены на тридцать шесть языков, и их общий тираж составил свыше миллиона экземпляров.

После ее смерти неизданными остались сто шестьдесят рукописей — больше, чем у какого-либо другого писателя.

Помимо романов о любви, из-под ее пера вышли исторические биографии, шесть автобиографий, театральные пьесы, практические пособия о жизни, любви, пользе витаминов и поваренные книги. Она также была политическим обозревателем и ведущей радио-и телепрограмм.

Свою первую книгу, «Ажурная пила», Барбара Картленд написала в двадцать один год. Книга стала мировым бестселлером и была переведена на шесть языков. Барбара Картленд продолжала писать всю жизнь, на протяжении семидесяти шести лет. Ее романы пользовались потрясающей популярностью в Соединенных Штатах Америки. В 1976 году ее книги заняли первое и второе места в списке бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс» — такого успеха не знал никто из авторов ни до, ни после нее.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни и навсегда запомнится нам своими чудесными романами о любви, которыми восторгаются читатели по всему миру.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь ее романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви — вот за что любят Барбару Картленд читатели.

Мы все ищем рай на земле, и некоторым счастливицам везет — они его находят, но единственный способ попасть в рай — через Любовь, ведь только благодаря ей человек может приблизиться к Богу.

Барбара Картленд

Глава первая

1908 год

— Ох, милая Жасмин, как же прескверно я себя чувствую, что оставляю вас вот так... одну!

Маргарет, герцогиня Харли, стояла на верхней ступеньке длинного лестничного пролета, ведущего от внушительных дверей Харли-Корт к широкой, усыпанной гравием дорожке, огибающей огромный причудливый фонтан.

Порывистый ноябрьский ветер обрывал одинокие желтые листья с вековых дубов, которые росли вдоль подъездной аллеи от массивных, украшенных лепниной ворот.

За воротами начиналась дорога, ведущая через лес и далее вверх по холму к городку Деббингфорд в соседней долине.

С противоположной стороны холмы высились один за другим до самых поросших диким вереском Йоркширских болот.

Герцогиня, невысокая дородная дама, куталась в тяжелые зимние одежды; на голове у нее была огромная шляпа, которую она подвязала под подбородком шелковым шарфом.

Стороннему наблюдателю ее фигура могла показаться комичной, постольку рост герцогини почти равнялся ширине ее талии.

Она озабоченно поглядывала снизу вверх на высокую стройную американку, стоявшую рядом с ней.

— Ты уверена, что не хочешь поехать со мной в Лондон?

Жасмин Уинфилд тепло улыбнулась своей дальней родственнице.

— Тетушка Маргарет, мы же обсуждали это тысячу раз. Вам просто необходимо быть в Лондоне, а поскольку я уже насладилась видами этого удивительного города, то отправлюсь на пару недель к сестре моей матушки в имение Парсонаж-Деббингфорд, где и встречу настоящее английское Рождество.

Герцогиня подхватила свой длинный развевающийся шарф, который так и хотел улететь прочь. Она крепко обвязала его вокруг шеи и пожалела (уже не в первый раз за этот день), что герцог Альберт, ее супруг, уехал по делам в Шотландию.

Их единственная дочь Хоуп была замужем за графом Лейтоном, и вчера вечером в Харли-Грандж получили радостную весть: три недели назад на свет появился наследник титула.

Герцогиня отчаянно рвалась в Лондон, чтобы быть рядом с дочерью.

Но у нее гостила родственница из Америки, Жасмин Уинфилд — как же быть с ней?

Они всего три дня назад вернулись в Йоркшир после нескольких недель, проведенных в Лондоне.

Жасмин не знала никого из соседей, а времени для официального представления не было. Она вздохнула.

Герцогиня целых десять минут колебалась, стоя на лестнице, и заметила, что шофер начинает нервничать.

Багаж уже давно погрузили в «роллс-ройс», и служанка герцогини, дрожа от холода, стояла у машины.

— Тетушка Маргарет! — решительно сказала Жасмин, нежно беря хозяйку под руку и медленно увлекая вниз по лестнице. — Сегодня слишком

холодно, чтобы так долго стоять на улице. Если вы простудитесь, то не сможете помочь своей Хоуп с ее малышом.

— Ох, дорогая, твоя правда! Прошу, будь очень осторожна, когда поедешь, Жасмин. В эту пору года на дороги слишком полагаться не приходится.

Жасмин улыбнулась.

Она родилась в Миссури, в той части Америки, где зимы очень суровы, поэтому привыкла к холоду и снегопадам.

После Миссури Северная Англия в ноябре вряд ли могла поразить ее воображение.

— Не бойтесь, я буду предельно осторожна. А вы поезжайте, тетушка Маргарет. Передавайте Хоуп от меня привет и пишите на адрес моей кухни, хочу знать все новости.

Герцогиня еще пару секунд постояла в нерешительности. Ее снедала тревога.

Эта юная американка так отличалась от своих сверстниц-англичанок!

Жасмин была независима и настроена весьма решительно. Она уже успела шокировать некоторых пожилых приятельниц герцогини своими откровенными политическими взглядами и высказываниями о том, как победить нищету в самых бедных районах больших городов.

Герцогиня тяжело вздохнула, садясь в машину. Она была совершенно уверена, что Америка — чудесная страна, но выросшие там барышни весьма своевольны.

В конце концов «роллс-ройс» тронулся по подъездной аллее, и герцогиня махала из окна носовым платком, пока машина не скрылась из виду.

Жасмин вздохнула с облегчением.

Она тепло относилась к этой даме, которую называла тетужкой Маргарет, хотя на самом деле та доводилась ей не теткой, а куда более дальней родственницей по отцовской линии.

Жасмин родилась и воспитывалась в Америке, но всю жизнь мечтала поехать в Англию. Она прочла все книги и путеводители, которые ей удалось достать, и замучила своих терпеливых родителей расспросами об их семьях, оставшихся в этой далекой стране.

И в итоге, когда ей исполнился двадцать один год, отец уступил ее мольбам и организовал путешествие через Атлантику, чтобы она могла погостить у его дальних родственников, герцога и герцогини Харли.

Лондон оправдал все ожидания Жасмин, высокой светловолосой красавицы с горящими голубыми глазами и решительным выражением лица.

Она упивалась видом старинных зданий, множеством магазинов, роскошными приемами и балами. Ей нравилось посещать исторические места, о которых она столько прочла, изучать манеры и традиции совершенно иного мира.

Но только попав в родовое гнездо своих предков в Йоркшире, в краю болот, девушка ощутила неожиданную радость.

Жасмин еще никогда не видела таких красивых пейзажей и в глубине души понимала, что, даже когда вернется домой, частичка ее сердца останется здесь.

Она взбежала вверх по каменным ступенькам в огромный зал с великолепным черно-белым мраморным полом, где раздавалось эхо. Зал был украшен величественными греческими статуями, которые привез в Англию один из предков герцога.

Ей было жаль уезжать из Харли-Грандж, но она была достаточно здравомыслящей девушкой, чтобы понимать, что неразумно оставаться здесь одной.

Дома, в Миссури, ей бы это и в голову не пришло. Но Жасмин прекрасно понимала, что и в двадцатом веке многие друзья ее семьи придерживаются старомодных взглядов.

Поэтому она отправится в Парсонаж, к другим родственникам, которые живут в Деббингфорде, в двадцати милях отсюда, в соседней долине.

Она заверила тетушку Маргарет, что совершенно спокойно доберется туда одна.

Господи, дома, в Миссури, большинство ее друзей живут дальше, чем в двадцати милях, и она частенько ездила к ним пообедать или просто навестить!

— Мисс Уинфилд...

Это Рейд, пожилой дворецкий.

— Да, Рейд, я слушаю.

— Я просто хотел сообщить вам, мисс, что только что прибыла лошадь, которую недавно приобрел его светлость. Ее отправили в конюшню, накормили и почистили, но я решил, что вы должны знать.

— Да, Рейд. Спасибо! Герцог сказал мне в Лондоне, перед тем как уехать в Шотландию, что купил этого жеребца, чтобы я каталась на нем, пока буду гостить в Харли-Грандж. Крайне досадно, что у торговца возникли проволочки с доставкой животного. Я с таким нетерпением его ждала. Немедленно оправлюсь на конюшню. Может быть, проедусь на нем немного.

Рейд поджал губы.

Конечно, эта молодая американка особа приятная, но ей, разумеется, следует знать, что не пристало юной леди скакать по окрестностям на необъезженном жеребце. Может быть, в Америке у

них все иначе, но сейчас они находятся в Харли-Грандж, в Англии.

— Может быть, не стоит, мисс Уинфилд? Главный конюх уехал по делам, и мне кажется, что животное крайне своенравно.

Жасмин уже хотела было ответить дворецкому, что она в седле с трех лет и в силах обуздать любую лошадь, но запнулась в нерешительности, поскольку отлично понимала, что здесь, в Англии, общественные устои иные, и как бы это ее ни раздражало, не стоит настраивать против себя прислугу.

Нет, «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», как говаривала ее старенькая нянечка, — Жасмин подумала, что это очень хороший совет.

Она поспешила в свою комнату и начала собирать вещи, которые ей понадобятся завтра.

У нее только что родилась великолепная идея, как обойти запрет.

Она поедет верхом на новом жеребце к своей родне в Деббингфорд!

Жасмин знала, что эти родственники не так богаты, как герцог с герцогиней, поэтому не была уверена, что у них найдется для нее лошадь, а ей было обидно оставлять в конюшне жеребца, купленного специально для нее.

Оконная створка неистово билась под порывами ветра, и девушка поспешила ее закрыть.

Выглянув в окно, на дальнем холме она различила очертания словно нависших над холмом башенок замка Сомертон.

Огромное поместье Сомертон граничит с землями герцога, и Жасмин не на шутку заинтриговала история, которую ей только вчера за ужином рассказала герцогиня.

— Ох, милая моя, это такая грустная история! Ричард, нынешний граф Сомертон — личность трагическая. Настоящий затворник. Он никого не принимает!

Жасмин взглянула на герцогиню поверх дрожащего пламени свечей, ее сапфировые глаза заблестели.

— Совсем никого? А что он сделал бы, если бы вы приехали?

— Мне решительно сказали бы, что его нет дома. Мой дорогой Альберт время от времени встречается с ним по делам поместья, и мне кажется, что Ричард занимает какой-то пост в правительстве, поэтому часто ездит в Лондон. Но, кроме этого, в обществе он не появляется.

— Но почему? Может быть, он... — Жасмин запнулась, подбирая нужное слово... — в каком-то роде калека?

— Нет-нет, милая моя, Ричард всегда был красавцем, и даже сейчас, в свои тридцать, он самый изысканный джентльмен. Но... — она

наклонилась над столом и продолжила трагическим шепотом: — Он потерял Милисенту, свою жену, два года назад. Трагическая случайность. Настоящий кошмар. Она была такой юной. Такой красивой. С тех пор он очень изменился...

Жасмин смотрела на далекий замок из окна своей спальни.

Ей хотелось бы познакомиться с графом.

Он казался такой романтической, трагической личностью. Словно герой романа.

Но теперь, когда она уезжает отсюда, пусть и ненадолго, вряд ли их дорожки пересекутся.

* * *

Следующее утро выдалось холодным и пасмурным, свинцовое небо нависло над окрестностями Йоркшира, грозя разразиться снегопадом.

Ричард, граф Сомертон, в гнетущей тишине пил кофе в комнате для завтрака в замке Сомертон.

Он велел прислуге не беспокоиться и не разжигать камин сегодня утром, поскольку собирался на несколько дней отправиться в Лондон.

Однако сейчас в комнате было прохладно и он продрог.

— Еще кофе, милорд?

Его экономка, Мэри Лендри, стояла у него за спиной.

— Нет, благодарю, Мэри. Можете и со стола убрать.

Она прикусила губу, заметив, что он опять не съел ни крошки. Горячие блюда — хрустящий бекон, сочные местные колбаски с омлетом — так и остались нетронутыми.

— Мне велеть поварихе подать еще тостов, милорд? У нас есть новое сливовое варенье и...

— Нет, спасибо, Мэри. Через несколько минут я уезжаю в Лондон. Но убедитесь, чтобы еда не испортилась. Уверен, слуги будут рады.

Она поклонилась, не скрывая возмущения, и велела Глэдис, служанке, убрать со стола.

Опять завтрак коту под хвост! Слуги будут в смятении, когда им предложат холодный омлет с беконом!

Стоя у двери, Мэри наблюдала, как хозяин помешивает свой кофе.

Она заметила, что граф пребывает в мрачном настроении — в одной из тех глубоких депрессий, которые иногда находили на него.

Мэри вздохнула, скрестив руки под белым крахмальным фартуком.

Она сегодня хотела поговорить с хозяином о Джордже Редфорде, но, по всей видимости, сейчас не время.

Мэри была худощавой черноволосой девушкой с серыми испуганными глазами. В свои двадцать пять она была довольно молода для должности экономки такого огромного замка, но в действительности ее работа была несложной, поскольку граф больше не развлекался и посетителей не принимал.

Несколько лет назад, когда ее взяли прислуживать Милисенте, покойной леди Сомертон, все было совершенно иначе.

Милисенте было всего тринадцать, когда в результате несчастного случая в Лондоне на Темзе погибли ее родители, и тогдашний граф Сомертон взял девочку под свою опеку.

Люди жалели Милисенту, которой довелось жить с таким грубым воякой, но оказалось, что он души не чаял в девочке и выполнял все ее прихоти и причуды.

Позже, три года назад, когда Милисенте исполнилось шестнадцать, старый граф умер, и титул унаследовал его сын Ричард, который в то время служил в армии в Индии.

Вернувшись в Англию, он женился на юной Милисенте, а Мэри с должности горничной повысили до камеристки.

Очень сложно, глядя в серьезные темные глаза графа и его сердитое лицо, вспомнить те

счастливые дни, когда устраивались вечеринки с танцами, давались обеды и звучала музыка.

Откровенно говоря, Мэри не помнила, чтобы граф был по уши влюблен в юную жену, но, как и его отец, он потакал малейшему ее капризу, и некоторые шептались, что это и стоило ей жизни.

Когда красивая глупышка леди Сомертон погибла в результате несчастного случая, граф запер большую часть комнат замка и отгородился от окружающего мира.

Мэри уж было решила, что потеряет работу, но, к ее величайшему изумлению, граф предложил ей должность экономки.

Почему она приняла предложение? В последнее время жизнь в замке была унылой и спокойной.

Граф — человек непредсказуемый, а из-за мрачного настроения, которое все чаще на него накатывало, и работодателем оказался непростым. Но она прекрасно понимала почему.

Сердце Мэри принадлежало молодому местному фермеру, Джорджу Редфорду, и, хотя сам он уверял, что не может позволить себе жениться, она понимала, что никогда по собственной воле не уедет из Сомертона туда, где, возможно, никогда больше не увидит Джорджа.

— Мэри, меня дня два-три не будет, я еду в Лондон, — сообщил граф, резко вставая. — Вы,

разумеется, можете писать мне в Найтсбридж в случае крайней необходимости.

— Хорошо, милорд. Велеть Миллсу подождать машину?

— Да, будьте любезны. Я уже сказал Фергусу, что меня сопровождать не нужно, и скажите Миллсу, что я сам сяду за руль.

Мэри вздохнула.

Похоже, граф больше не нуждался ни в своем камердинере, ни в шофере, когда уезжал в Лондон.

Он все больше отгораживался от окружающего мира. Это крайне настораживало, но Мэри не к кому было обратиться за советом.

Пройдя каменными коридорами, девушка вошла через обитую сукном дверь в кухню и велела Миллсу подать машину во двор.

Миссис Раш, повариха, бросила на нее быстрый взгляд и налила огромную кружку чая.

— Опять сам за руль сядет?

Мэри кивнула.

— Даже Фергуса с собой не берет.

Миссис Раш сердито поджала губы и одернула рукава черного платья, поверх которого носила большой белый фартук.

Повариха была дородной жизнерадостной уроженкой Йоркшира с гривой седых волос, которые она собирала в пучок под большим белым,

отделанным рюшами чепцом. Ее круглое лицо покраснелось от жара, идущего от печи.

— Негоже, чтобы хозяин сам отправлялся в Лондон. Что о нас подумают слуги в Найтсбридже? Решат, что мы глупые дикари, которые слыхом не слыхивали о манерах!

— Да, я понимаю, миссис Раш, но что поделаешь? Он даже велел Фергусу сказать, когда навещивался преподобный Паркер, что его нет дома! И доктор Мид не на шутку расстроился, когда приехал из самого Деббингфорда, чтобы повидать его светлость, а ему ответили, что граф не принимает.

— Судя по тому, что принесла малышка Глэдис, его светлость опять выпил кофе и не завтракал. Ни ложечки не съел моей вкуснейшей каши. А ему еще в Лондон ехать!

Она с досадой поставила на стол миску и принялась месить тесто.

— Так не годится, Мэри! Я уж стала надеяться, что в этом году он перестанет горевать, но, кажется, стало еще хуже. Тем, кто приходит, дают от ворот поворот, даже герцогине Харли ответили, что его нет дома!

— А я слышала, что для слуг даже Рождества не будет. И рождественской елки! Какой позор!

И тесту досталось еще несколько яростных тумаков.

— А всему виной та упрямец, которая убила!

— Миссис Раш! О мертвых плохо не говорят! Она была моей хозяйкой... доброй душой, пусть даже и упрямец.

Повариха презрительно фыркнула. Она прислуживала в замке с тех пор, как граф был младенцем, и была предана ему безгранично.

Как и все давно живущие здесь слуги, она прекрасно знала, что у графа нет прямого наследника.

Если, не дай бог, конечно, что-то случится с графом, его титул перейдет очень дальнему родственнику, который разводит овец в Австралии.

Она взглянула на вытянутое, встревоженное лицо Мэри.

— Тебе удалось замолвить словечко за Джорджа Редфорда его светлости?

Мэри покачала головой.

— Момент был неподходящий. Ах, миссис Раш, если бы только Джордж продал свой клочок земли графу! С этого клочка даже семью не прокормишь, а граф предлагал Джорджу за него приличную цену, особенно учитывая то, что земля Джорджа разделяет два больших леса, в которых любит кататься его светлость. Если бы у Джорджа были деньги, мы могли бы пожениться.

— А всему виной гордость Джорджа Редфорда, — мрачно подытожила повариха. — Он говорит, что его семья владела куском этих старых болот столько же, сколько Сомертоны владеют своим поместьем!

Мэри кивнула и продолжила пить чай.

Пожилая повариха была совершенно права. Мэри любила Джорджа всем сердцем, но тот просто отказывался понять, что, если уступит и продаст свою землю, сможет купить небольшую ферму где-то неподалеку и жениться.

Граф так же решительно был настроен эту землю приобрести. И вражда, возникшая между этими двумя мужчинами, ставила ее в очень сложное положение.

Мэри поежилась, несмотря на то что в кухне было тепло, и посмотрела в окно на свинцовое небо. Скоро начнется снегопад — девушка родилась и выросла в долине, поэтому прекрасно видела признаки надвигающегося ненастья.

Сейчас Мэри жалела, что ей не хватило духу поговорить с графом сегодня утром, попытаться объяснить, что Джордж не грубиян или нахал, просто упрямец как осел.

Как бы она хотела, чтобы граф наконец-то встретил в Лондоне какую-нибудь приятную разумную девушку и вновь обрел счастье!

Тогда, конечно же, к нему будет не так страшно подступиться с житейскими вопросами.

* * *

Жасмин проснулась рано, умылась и натянула длинные кожаные штаны для верховой езды, которые привезла с собой из Америки.

Она накануне вечером собрала самые необходимые принадлежности и смену одежды в небольшой походный чемоданчик, который можно привязать сзади к седлу. Остальной багаж можно отправить на следующий день.

Жасмин отдавала себе отчет, что ее родственники в Парсонаж-Деббингфорд живут не слишком роскошно, поэтому была уверена, что ей нечасто придется рядиться в бальные платья.

Девушка сбежала вниз, пожелала доброго утра трем служанкам, которые уже усердно работали, натирая воском огромную деревянную лестницу.

Те подняли головы, когда она пробежала мимо, и Жасмин задумалась, сможет ли привыкнуть к иному отношению к слугам здесь, в Англии.

Рейд возник на ее пути, когда она шла через холл к двери, ведущей на конюшню.

— Вам подавать завтрак, мисс Уинфилд?

— Нет. Прошу вас, передайте повару, чтобы не беспокоился. Уверена, что кузены угостят меня

плотным обедом. Я не люблю ездить верхом на полный желудок.

Лицо у обычно невозмутимого Рейда вытянулось.

— Верхом, мисс Уинфилд? Я полагал, что вы поедете в экипаже...

— Нет-нет, — беспечно отмахнулась Жасмин. — Я вчера договорилась с герцогиней, что поеду в Деббингфорд верхом. Мне понадобится лошадь, и, как вам известно, герцог любезно купил мне жеребца.

Рейд выглядел обеспокоенным.

— Но погода очень переменчива, мисс Уинфилд. До обеда повалит снег.

Жасмин тряхнула головой, и ее золотые кудри выбились из-под тяжелого кожаного чепца, под который она их спрятала.

Девушка не сомневалась, что никакой снег в Йоркшире не может сравниться со снегом, который она видела у себя дома. К тому же ехать всего двадцать миль — короткая поездка!

В конюшне в холодном утреннем свете кипела жизнь.

Мальчишки мели двор, лошади все были вычищены и стояли, склонив морды над дверцами загонов, с интересом наблюдая за происходящим.

Жасмин, волнуясь, подошла к новому жеребцу. Она знала, что гордого вороного красавца с белой звездой во лбу зовут Метеором.

Девушка погладила его бархатистый нос, восхитилась изящной формой головы.

Юный конюх не на шутку всполошился, когда Жасмин велела ему оседлать Метеора.

— Но, мисс... — начал он. — Его еще не объездили. Конюх, который его доставил, сказал, что жеребец может оказаться непослушным.

Жасмин засмеялась, ее красивое лицо так и светилось от радости.

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Я совершенно уверена, что со мной все будет в порядке. Сегодня утром я намерена отправиться на нем верхом в Деббингфорд, и мне представится отличная возможность испытать его шаг. Герцог говорил мне, что уже готово кожаное седло для нового жеребца — пожалуйста, оседлайте его без промедления.

— Но ведь снег, мисс!

— Снегопад еще не начался! Когда снег повалит, я уже буду в Деббингфорде, в тепле дома.

Граф Сомертон выехал из замка вниз по крутому холму и далее по узкой извивающейся дорожке на главную дорогу.

Он бросил взгляд на небо.

Граф не сомневался, что вечером пойдет снег. И, если он не ошибался, снега выпадет немало.

Казалось, что зловещие свинцовые тучи настолько низко висят над простирающимися вдали болотами, что они соприкасаются.

Таким же мрачным, как холодный промозглый день, было и настроение графа.

У него не было ни малейшего желания ехать в Лондон, но и оставаться в Йоркшире на Рождество он тоже не хотел.

У него было такое чувство, что он не живет, а существует, просто ищет, чем бы себя занять в течение дня.

Граф знал, что его друзья хотят, чтобы он вышел в свет, но не мог себя заставить.

Вся эта мишура танцев и балов, Аскот, Хенли, театры — все было таким далеким.

Казалось, что в тот роковой день, два года назад, когда погибла его милая юная Милисента, жизнь оборвалась, и все, что ему осталось, — влачить это жалкое существование.

От волнения он нажал педаль газа, и мощная машина, взревев, рванула вперед.

Граф повернул руль, на скорости входя в крутой поворот, и вскрикнул от ужаса.

Посреди дороги верхом неслась молодая девушка. Огромный черный жеребец при виде машины встал на дыбы.

Раздался визг тормозов, машина остановилась, и граф выскочил из салона. Кем бы ни была всадница, она великолепно управлялась с жеребцом. Однако с его губ слетели совершенно иные слова.

— Идиотка! — заорал он. — О чем, черт побери, вы думали? Хотите шею себе свернуть?

И двинулся к ней со злым, мрачным выражением лица.

Глава вторая

Жасмин громко рассмеялась, пытаясь обуздать Метеора, который понес в сторону, дергая головой и жуя поводья.

Девушка наслаждалась поездкой к дому кузенов в Деббингфорде в соседней долине. Метеор был изумительным скакуном, быстрым и сильным.

Красивое дорогое седло из бежевой кожи, которое купил для нее герцог, оказалось чрезвычайно удобным, хотя отличалось по форме

от американских седел, к которым она привыкла дома, в Миссури.

А потом этот глупый жеребец испугался, когда дорогу ему перебежал маленький заяц.

И только-только ей удалось обуздать Метеора, как из-за поворота с ревом вылетела огромная черная с серебром машина, и понадобилось все ее умение наездницы, чтобы лошадь не понесла.

Она все еще пыталась успокоить животное, когда из машины выскочил незнакомец и закричал на нее. С перекошенным от гнева лицом он схватил лошадь под уздцы.

— Идиотка! Кто, черт побери, усадил вас на этого сильного жеребца? Немедленно спускайтесь!

Жасмин только сильнее вцепилась в поводья, пытаясь вырвать их из рук темноволосого незнакомца, который испепелял ее взглядом.

— Прекратите на меня кричать! Вы только еще больше пугаете коня!

— Вы американка?!

Жасмин водила Метеора по кругу, успокаивая его словами, пока жеребец не остановился. Он все еще немного подрагивал, но наездница уже могла с ним справиться.

— Да, сэра. Я действительно из Соединенных Штатов Америки, где быстрая езда по такой узкой дороге, где могут ехать верхом, считалась бы преступлением!

Граф нахмурился.

Нечасто ему доводилось оказываться в такой ситуации, но эта голубоглазая стройная красавица, сидя верхом на огромном жеребце, смотрела на него сверху вниз с таким выражением лица, как будто он был во всем виноват.

— Вы намерены спешиться, мисс?

Жасмин взглянула на незнакомца.

Он был высок, широкоплеч и одет в дорогой костюм — но то, что он богат, было видно и по «роллс-ройсу».

Но каково бы ни было его положение в обществе, грубость и приказной тон были недопустимы.

— Разумеется, нет, сэр. Я полностью контролирую ситуацию и буду благодарна, если вы уйдете с дороги и позволите мне продолжить путешествие.

Граф помрачнел.

— Мисс, я никак не могу позволить вам продолжить поездку на этом животном. У него глаза кровью налиты. Я видел подобное у норовистых лошадей. Это небезопасно.

Жасмин решительно вскинула голову, и золотистые локоны выбились из-под чепца.

— Спасибо за беспокойство, сэр, но оно неуместно. Я в седле всю жизнь. И точно знаю, что делаю. Ваша помощь мне не нужна!

Граф почувствовал, как в нем закипает злость.

Перед глазами возникла еще одна юная упрямыца — та, что пыталась перепрыгнуть через забор, слишком высокий для ее лошади, даже несмотря на то что граф умолял ее этого не делать.

Милисента, его бедная жена.

У него до сих пор стоял в ушах ее смех, когда она пыталась заставить лошадь слушать ее команды, а потом крик, когда лошадь ее сбросила, — и лежащее на земле безжизненное тело.

Жасмин ахнула, когда стоящий у ее стремени незнакомец протянул руку вверх, и на мгновение ей показалось, что он намерен стащить ее с седла.

Он что, безумец?

Вдруг она осознала, что вокруг густой лес. Место уединенное и пустынное, никто и не увидит, если он на нее нападет.

Но Жасмин была девушкой не робкого десятка.

В то время как другие барышни стали бы звать на помощь, она сцепила зубы, решительно вонзила каблуки жеребцу в бока и натянула поводья.

Метеор попятился и тихо заржал, его черные глаза расширились, а поднятые копыта едва не угодили незнакомцу по голове.

Жасмин развернула жеребца и направила легким галопом прочь от незнакомца и его машины.

Метеору дважды повторять было не нужно.

Он рванул прочь по дороге под защиту леса — земля полетела из-под его копыт.

Граф тихо выругался, глядя вслед удаляющейся девчонке на огромном вороном жеребце, и задумался, стоит ли ему за ней поехать.

Он был уверен, что такой норовистый конь опасен для любого наездника. Конечно, эта американка хорошая наездница, но достаточно ли ее мастерства, чтобы удержаться в седле?

Он вздрогнул, когда порыв ледяного ветра налетел с холмов, где стоял его замок, взглянул на мрачное свинцовое небо, затянутое снеговыми тучами, и направился назад к своему «роллс-ройсу».

Граф понимал, что если в ближайшие десять минут не выедет на главную дорогу, путь через болота станет непроходимым на несколько дней и долина будет отрезана от внешнего мира.

Он прекрасно знал, чего можно ожидать от такой зимней погоды. Снег, принесенный северо-восточным ветром, как правило, надолго задерживался в Йоркшире.

С одной стороны, граф понимал, что должен поехать за девушкой, убедиться, что она в безопасности, но посмотрел на тонкий черный